

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Вопросы истории,
международных отношений
и
документоведения

Выпуск 7

Сборник материалов
Российской молодежной
научной конференции

Издательство Томского университета

2011

поддержанные «Всемирным уйгурским конгрессом» (ВУК), не раз заявляли о желании строить многонациональное государство под названием Восточный Туркестан. Также ими особо подчеркивается, что Восточный Туркестан является родиной не только уйгуров, но и казахов, таджиков, татар, саларов и других народов, т.е. создание нового исламского государства отражает общие устремления всех народов региона, прежде всего тюркско-мусульманских [4. С. 8]. Но все это прямо противоположно устремлениям официального Пекина. Вероятность того, что между уйгурами и китайским правительством будет найден компромисс, невелика. Во-первых, обе стороны не готовы идти на уступки. Так, по мнению Пекина, на современном этапе (1990-е–2000-е гг.) у уйгуров самостоятельности даже больше, чем у других национальных меньшинств. Уйгурские националисты же, в свою очередь, недовольны даже статусом автономной республики, они твердо настаивают на независимости. С учетом того, что теперь в СУАР ханьцев больше, чем уйгуров, довольно сложно представить его отделение от КНР даже в случае ослабления центрального правительства страны. Даже сейчас большинство ключевых постов в иерархии СУАР заняты ханьцами. Во-вторых, китайские власти никогда не пойдут на компромисс, напротив, они будут только укреплять свои позиции по этому вопросу и, в свою очередь, тоже давить на уйгуров. СУАР важен для КНР, ведь это поистине тот барьер, который обеспечивает защиту Китая от влияния радикального ислама. В-третьих, любые уступки уйгурам в вопросе их независимости могут создать опасный для целостности КНР прецедент: другие национальные меньшинства тоже могут начать требовать широких привилегий или независимости.

Уйгурские мятежи (в марте–августе 2008 г. и летом–осенью 2009 г.) привели не только к резкому росту напряженности в межнациональных отношениях в СУАР. Несмотря на быстрое подавление мятежей, стало очевидно, что уйгуры все равно будут вынуждены принимать меры по сохранению своей национальной и религиозной идентичности, вести борьбу за независимое государство. Вопрос в том, насколько их действия будут соответствовать окружающей действительности и насколько жесткими будут шаги Пекина по ликвидации или ослаблению очагов сепаратизма.

Литература

1. *Воскресенский А.Д.* Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации. М., 2010.
2. *Сыроежкин К.Л.* Китай: военная безопасность. Алматы, 2008.
3. *Сыроежкин К.Л.* Регламентация межэтнических отношений в КНР: теория и практика (50-е–80-е гг.). Астана, 1999.
4. *Ислам в современном мире.* 2009. №3–4 (15–16).

М.С. Рябова

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ТРАДИЦИОННОГО КИТАЯ

Рассматривается внешнеполитическая концепция Китая со времен становления государства до XIX в. Выделяются ее основные черты, специфичность внешней политики Китайского государства.

Ключевые слова: *Китай, концепция, дипломатия, традиция.*

Проблема изучения внешней политики Китая все отчетливее встает перед современной исторической наукой. Современный Китай – держава мирового значения, постоянный член Совета Безопасности ООН, член клуба ядерных держав и крупнейшее по размерам населения государство.

В решении своих геополитических задач Китай не может быть в стороне от формирования правил и условий общемирового и регионального развития и, вероятнее всего, будет действовать по многовековой политической и дипломатической традиции. Следование традициям прошлого составляет основу китайского менталитета, вековой опыт предков ценится чрезвычайно высоко. Знание и понимание исторических предпосылок, лежащих в основе внешнеполитических концепций Поднебесной, приобретают чрезвычайную актуальность. Поэтому при выработке политики в отношении Китая любое государство должно учитывать историю развития отношений Поднебесной с внешним миром. В дипломатии Китай отмечается необыкновенная стойкость отдельных черт внешнеполитической доктрины, которые продолжают оказывать свое влияние вплоть до настоящего времени, и вместе с тем её особенность на различных исторических этапах.

Формирование основных принципов, по которым китайские правящие круги строили отношения с близкими и дальними соседями, относятся к ранним периодам истории – второй половине II–первой половине I тыс. до н.э. Именно тогда протекал процесс складывания государственности, оформления идеологических и политических основ классового общества. По уровню развития, размерам и богатству в древности Китай намного превосходил прилежавшие к нему королевства, княжества и племена, поэтому весь мир делился правителями Китая на две части: с одной стороны – Китай – «Центральное», или «Срединное», государство, а с другой – «иноземная», варварская периферия. Название Китая «中国» (Zhongguo), т.е. «Центральное» государство, отражало представление китайцев о своей стране как о центре мира. Это мифологическое представление стало официальной догмой, несмотря на то что во многих случаях зависимость государств и племен некитайских народностей от китайских царей была чисто номинальной.

Китаю априорно присваивалось право выступать носителем верховной власти над всеми остальными народами, служить средоточием «единственно правильного» порядка. Право верховной власти императоры присваивали себе безапелляционно, без согласия других народов. «Варвары», т.е. все некитайские народы, считались нравственно неполноценными, некультурными. Их «высшим долгом» объявлялось «приобщение» к «цивилизации», что должно было выражаться в признании верховной власти китайских государей и восприятии «китайского образа жизни». Присущей чертой было «нравственное перевоспитание варваров», даже на каменной стеле XV в., установленной близ Нанкина, было написано от имени императора: «направляю посольства в заморские страны, чтобы распространять нравственное перевоспитание. Научить этикету и долгу и тем изменить их варварские привычки» [1. С. 138]. Методы были различны: от военно-политического давления до всевозможного обольщения иностранцев.

В формировании отмеченных представлений немалую роль играла концепция неограниченной власти китайского монарха – первоначального вана (князя, царя), позже императора. Идея обожествления монарха в тот период вела к сближению представлений о природе и власти. Монарх считался единственным устройтеlem миропорядка на земле. Распространять этот порядок считалось прямым долгом китайского властелина. Он должен был установить этот порядок не только в самом Китае, но и за его пределами.

После падения монгольского господства в Китае здесь воцаряется китайская династия Мин. Минский период представляется очень важным звеном в процессе развития китайской дипломатии. Усвоив старые традиции, этот период стал отправной точкой для новой традиции. Китайскими политиками того времени это оправдывалось двумя причинами. Во-первых, как отмечалось выше, божественное происхождение императора, монарх – «сын Неба», гиперболизация его власти составляла неотъемлемую часть каждого официального внешнеполитического документа империи Мин. Императорская власть все так же, как и в древности, уподоблялась природным явлениям: «Императору династии Мин подвластны все четыре моря. Власть его повсюду...Он освещает все, как солнце и луна». Во-вторых, сама традиционность построения внешних связей. Доказательством могут служить следующие указания в источниках: «С тех пор как существуют деление на государей и поданных, высших и низших. Поэтому и есть определенный порядок в отношении Китая с иноземцами всех четырех стран света. Издревле это было так» [1. С. 131]. В период Мин эта традиция получила наиболее законченные, четко сформулированные в официальных документах формы.

Официальная концепция о «вассалитете» всех стран по отношению к Китаю создала у китайских правящих кругов специфичную картину мира. С одной стороны Китай – единственный образец человеческой цивилизации, с другой – все остальные страны, окраины мира. Тем самым весь внешний мир рассматривался как нечто единообразное. Многообразие внешнего мира описывалось в географических источниках, литературе, но в дипломатической сфере все страны приравнивались друг к другу. Ко времени существования империи Мин политическая карта мира была очень пестрой. Межгосударственные связи требовали учета тех или иных особенностей отдельных стран. Но существовавшая доктрина однотипности стран сковывала развитие дипломатического искусства в Китае. Реальная картина мира искажалась даже не из-за недостатка знаний о соседних странах, она игнорировалась в угоду все той же догме. Отмеченная искаженность мира приводила к тому, что появлялись такие явления, как разрыв между теорией и практикой, выдача желаемого положения вещей за действительное, повышенное внимание к второстепенным моментам. В соответствии с этим сложился специфический придворный этикет и церемониал для приема иноземных послов и владетелей. От вассальных правителей и их посланцев в Цинской империи требовалось подчинение придворному церемониалу, отражавшему превосходство Китая над его слабыми соседями. Выражение «зависимости» послов проявлялось в исполнении совершенно непонятных для них церемоний. Например, государственная печать Китая, символизирующая зависимое от китайского императора положение, использовалась в Брунее своеобразно: вместо скрепления актов государственной важности отгиски ставились людям на спину во время свадебных торжеств и других праздников [1. С. 134]. Подарки, приносимые послами, расценивались как дань, приносимая в знак покорности. Послы вассальных государств должны были исполнять унижительный обряд «коутоу» – становиться девять раз подряд на колени и девять раз простираться ниц перед императором. Еще до аудиенции их заставляли проделывать этот обряд пред пустым тронem или табличкой с именем богдыхана, поставленной на стол или специальную подставку. Исполнение «коутоу» требовалось и от послов европейских государств. Цинский двор настаивал, чтобы иноземные послы вручали свои грамоты не самому императору, а только кому-либо из сановников [1. С. 135].

Императорским указам, касавшимся иностранных государств, и дипломатической переписке цинского правительства свойственны были высокомерно-снисходительная фразеология и кичливый тон. Иноземные правители рассматривались ими как вассалы, обязанные ему повиноваться. Несогласие послов с дворами императоров расценивалось как «непослушание», требующие надлежащего «вразумления». В таких случаях в дипломатической переписке допускались грубые ругательства и оскорбления, давно уже считавшиеся неприличными между европейскими державами. Военные действия иностранных государств изображались в официальных документах как «бунт варваров», подлежащий «усмирению» [2. С. 25].

Цинское правительство предпочитало, чтобы иностранные послы обращались по своим делам не в Пекин, а к властям окраинных или приморских областей. Добиться допуска в Пекин и аудиенции иностранным

послам было очень трудно. Цинские власти выдвигали множество препятствий и придумывали разнообразные поводы для затягивания дела. Сановники цинского правительства нередко обращались к иноземным послам крайне грубо и высокомерно, чтобы подчеркнуть свое превосходство применяли угрозы и запугивания. Очень часто это делалось умышленно, для того чтобы иностранные послы, не желая ронять достоинства своего государства, отказывались и уезжали, не посетив Пекин.

Например, в 1793 г. в Пекин был допущен английский королевский посол Макартней, имевший поручение урегулировать претензии Ост-Индийской компании к Китаю и добиться открытия для торговли других портов, кроме Кантона. Когда Макартня со свитой и подарками богдыхану везли по реке Байхе, на его судне был вывешен флаг с китайской надписью «Посол, везущий дань из Англии». Цинские сановники потребовали, чтобы Макартней совершил обряд «коуту». Макартней согласился сделать это лишь с условием, что цинский сановник соответствующего ранга совершит то же самое перед портретом английского короля. В итоге миссия Макартнея осталась безрезультатной.

В XVIII–XIX вв. династия Цин использовала традиционную политику вассалитета уже в своих целях. Изоляция была способом «защиты» от могущественных европейских государств, от их проникновения, когда колониальная экспансия капиталистических стран была на своем пике. Китайское правительство понимало, что не сможет противостоять Европе и Новому Свету, поэтому пыталось оградить себя от внешнего вмешательства путем опоры на традиционную доктрину.

В XIX в. было положено начало закабалению Китая европейскими государствами и превращению его в их полуколониию. Неравноправные договора означали для иностранных капиталистов свободу эксплуатации и закабаления китайского народа. Тягостные последствия были результатом изоляционной политики Цинского правительства. Изоляция страны способствовала тому, что правящая верхушка Цинской империи не имела ясного представления о жизни других государств, правительство совсем не посылало своих послов к западным государствам и было плохо ориентировано в международной обстановке.

Литература

1. Делюсин Л.П. Китай: традиции и современность: сб. ст. М., 1976.
2. Жуков Е.М. Международные отношения на Дальнем Востоке. М., 1973. Т. 1.
3. Тихвинский С.Л. История Китая и современность. М., 1976.

Н.В. Турушева

КУЛЬТУРА КНР НАКАНУНЕ РЕФОРМ

Рассматривается ситуация в культурной сфере КНР накануне реформ в 60–70-е гг. XX в.

Ключевые слова: «культурная революция», китайская культура, Мао Цзедун.

В апреле 1969 г. IX съезд КПК объявил о великой победе «культурной революции». В своем отчетном докладе Линь Бяо заявил, что благодаря «культурной революции» «были опрокинуты темные планы реставрации капитализма, усилена диктатура пролетариата, идеи Мао Цзедуна получили небывалое широкое распространение, духовный облик людей преобразован, достигнуто небывалое единство народа, и Китай в целом переживает бурный расцвет и неуклонный подъем» [1. С. 99].

Однако влияние «культурной революции» на ситуацию в стране было не столь однозначным.

В 1966–1969 гг. был нанесен удар по конституционным органам государственной власти и по старому управленческому аппарату, были разогнаны профсоюзы и другие общественные организации. В ходе «культурной революции» вся система управления народным хозяйством была расстроена, методы социалистического планирования и ведения хозяйства были объявлены буржуазными. Тогда провозглашалось, что производство может обойтись без технического руководства и специалистов. Была принижена роль техники. Распределение и оплата по труду расценивались как ревизионизм. «Культурная революция», призванная, по уверениям ее инициаторов, ускорить темпы экономического и социального развития Китая, привела к обратным результатам. Она затормозила и значительно усложнила решение реально существующих трудных проблем переустройства экономически отсталого общества. Бюрократический аппарат во многом составляли некомпетентные работники, привилегии которых значительно расширились. Компартия Китая, а также армия были расколоты на фракции и группировки, которые соперничали между собой, добиваясь власти на местах и в центре.

Культурная жизнь в этот период замерла. Вся предшествующая культура – китайская и иностранная – оказалась под запретом. Были закрыты библиотеки, музеи, книжные магазины, газеты и литературно-художественные журналы, уничтожены памятники культуры. Пылали костры из книг. Это называлось «борьбой со старой феодальной и буржуазной культурой», к которой была причислена почти вся китайская и мировая классика. Главной задачей было провозглашено создание некоего «совершенно нового, пролетарского искусства», принципы которого сводились к следующему: творчество должно быть безымянным,